

Дмитрий БЛАГОЙ.

9 февраля 1983 года известному советскому филологу, видному деятелю народного просвещения, писателю Дмитрию Дмитриевичу Благому исполнилось девдцать лет. Член-корреспондент Академии наук СССР, академик Академии педагогических наук СССР, лауреат Государственной премии СССР Д. Д. Благой посвятил всю свою жизнь изучению отечественной литературы, ее становлению и развитию, ее восхождению к вершинам мировой культуры. Один из ярких представителей марксистско-ленинского литературоведения, Д. Д. Благой в монографиях, учебниках, исследованиях, в многочисленных статьях и публикациях глубоко исследовал закономерности литературного процесса, его связь с действительностью, торжество реализма во всем его многообразии. Главный исследователь мысли Д. Благого, его «одной лишь думы власть» — Пушкин. Великому русскому поэту посвящены основные работы советского филолога, внесшего значительный вклад в мировую Пушкиниану. По глубокой мысли В. Г. Белинского, «писать о Пушкине — значит писать о целой русской литературе». Следуя завету критика, Д. Благой в своих исследованиях охватывает многовековое развитие русского художественного слова. Обращаясь к истокам появления Пушкина — первого поэта действительности, ученый создает курс «Истории русской литературы XVIII века», давно уже ставший учебным пособием для школ и вузов у нас и за рубежом. Огромная эрудиция, энциклопедическая образованность дали возможность Д. Д. Благому раскрыть непреходящее значение творчества Пушкина, величие его гения. И рядом с ним разработать важнейшие проблемы творчества Батюшкова, Лермонтова, Гоголя, Кольцова, Герцена, Тургенева, Тютчева, Некрасова, Фета, Аполлона Григорьева, Достоевского, Л. Толстого, Блока, Горького, советских писателей-классиков. Более полувека отдал Д. Благой главной своей книге — «Творческий путь Пушкина». Два тома этой монографии, вышедшие в свет, получили всемирное признание. На пути к третьему тому этого фундаментальнейшего исследования Д. Благой создает «Душу в заветной лире», проникнутую глубочайшим лиризмом книгу, рассматривающую важнейшие проблемы Пушкинианы, открывшую читателю во многом неизвестного Пушкина. Исключительный успех этой работы Д. Благого определило органическое единство научности и поэтичности изложения. Отмечая 90-летний юбилей Дмитрия Дмитриевича Благого, «Литературная Россия» сердечно поздравляет замечательного советского ученого и писателя, желает ему доброго здоровья, новых творческих достижений. Мы знакомим сегодня наших читателей с фрагментом главы третьего тома «Творческого пути Пушкина», где на примере исследования поэмы «Медный всадник» рассматриваются актуальные проблемы традиции и новаторства в художественной литературе.

было для него прочным и спокойным. И именно эта умная сущность традиции, дошедшая до нас из глубины столетий и в свою очередь сложившаяся в результате многовекового опыта, а не невозвратно ушедшие в это прошлое исторические формы ее проявления («замки» любого рода), противопоставляется поэтом неразумному в своем пренебрежительном к ней отношении, гоняющемуся за модой вкусу пушкинской современности. Не сохраняет ли порой это суждение Пушкина своей актуальности и в наши дни?

Как видим, в приведенных четырех шуточных строчках автор «Онегина» проник в самую суть вопроса: что такое традиция, какой она должна быть и какова роль традиции в поступательном движении человечества?

Традиции, а соответственно и их культурное значение, бывают всякие и разные. Но — плод многих и многих тысячелетий развития человеческой мысли, накопления знаний, опыта миллионами разбросанных по всем земным континентам людских поколений — умные традиции, передаваемые из одного века в другой, от предков к потомкам, становятся необходимым условием последующего прогрессивного развития человечества. Сложившись на определенном этапе такого развития, они, естественно, несут на себе печать своего времени (пушкинский «замок»). Но чем они умнее — прогрессивнее, тем более выходят за узковременные пределы, не являясь раз навсегда данными, не подвластными движению истории, а, наоборот, этому движению не только сопутствуют, но и содействуют. Закладывая в движущуюся историко-культурную почву животворные семена, они, как все живое, подлежат изменению — росту, развитию. Сохраняют свою умную сущность, но меняют — в соответствии с меняющейся исторической обстановкой — формы ее проявления.

Тем самым проблема традиции не может рассматриваться вне словно бы ей противостоящей, а на самом деле, в порядке последующего плодотворного синтеза, связанной с нею теснейшей преемственной связью проблемы новаторства. Диалектически то и другое — проблемы близнецы.

Без наследия тысячелетий — наличия накапливаемых умных традиций, вошедших в сокровищницу прогрессивных достояний человеческой цивилизации и культуры, — было бы невозможно никакое дальнейшее движение вперед. Каждому поколению пришлось бы начинать все сначала.

Но то же самое происходит и тогда, когда традиции перестают развиваться вместе с общим ходом истории, когда из живых и плодотворных основ и стимулов дальнейшего прогрессивного развития становятся тормозом его, оборачиваются застывшей, омертвевшей и мертвящей традиционностью.

Без опоры на умную сущность традиций навсегда оставался бы голый человек на голой земле. Без развития традиций был бы бег, точнее, топтание на месте, своего рода исторический тупик. И когда такой тупик оказывается все бесспорнее, наступает критический момент и в истории традиций.

Эволюционное (подчас тоже очень сложное, извилистое) их развитие сменяется революционным (в широком — философском — значении этого слова) скачком, взрывом, сокрушающим не только традиционность, но засыпающим своим вулканическим пеплом и сокрытую под заскорузлым внешним слоем, затянутую тиной традиционности глубинную умную сущность традиций. Вместе с тем это является для нее своего рода испытанием на прочность.

И если это испытание она выдерживает, через какой-то промежуток исторического времени (по нашим человеческим масштабам он бывает порой очень длительным: от гибели великих традиций античной культуры до их ренессанса прошло около тысячи лет) они снова вспыхивают из-под многовековой золы и представляют отнюдь не только археологическую, музейную ценность, обретают новую жизнь и, развиваясь в новых исторических условиях, начинают приносить новые замечательные плоды.

Подобное же нагляднейшим образом проступает и в один из самых знаменательных и важнейших периодов исторического развития «всей Руси великой» — перелома от средневековья к своему, тоже в силу исторических причин отставшему от наиболее развитых стран Южной и Западной Европы Ренессансу, который дал возможность последующего становления нашей новой, пушкинской национальной культуры.

Дмитрий БЛАГОЙ

ДВИЖЕНИЮ

О традициях

туры и сыграл в ее дальнейшем развитии такую неизмеримо громадную роль в творческой деятельности самого Пушкина.

Новая русская культура началась сокрушительным, в указанном философско-историческом смысле, революционным скачком — культурной и бытовой революцией в среде тогдашней верхушки страны, осуществленной тем, кого Пушкин твердо и настойчиво называл революционером на троне.

Да, в известном смысле революционный переворот Петра не обошелся и без «железных узды»:

Не так ли ты над самой бездной
На высоте уздай железной
Россию поднял на дыбы?

— скажет Пушкин, глядя на фальконетовский памятник Петру, в одном из величайших не только своих, но и мирового художества слова вообще творений — поэмы и одновременно «петербургской повести» «Медный всадник». Но все это было не просто тираническим актом московского самодержца, а исторической необходимостью — велением «судьбы», точно осознанным ее «мощным властелином». Ведь вздыбил Петр коня — «Россию» — на самом краю бездны, без чего она могла бы рухнуть в нее. И вздыбил не для того, чтобы удержать от падения, а чтобы через эту бездну перескочить. И дальше, глядя на захватывающее зрелище все того же коня и всадника, поэтом ставится кардинальный вопрос:

Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?

Этот двуединый вопрос является кульминацией грандиозного философско-исторического замысла и смысла поэмы-повести Пушкина. В нем сфокусированы столь волновавшие его как национального поэта-гражданина «долгие думы» о прошлой и, в особенности, настоящей и будущей судьбе родной земли, основном содержании русской исторической жизни вообще. Куда? Где?

На первую половину вопроса Пушкин сразу же дает четкий ответ. Прямо — во «Вступлении» к своей своеобразнейшей поэме-повести. В последующем ходе ее — на языке величественных мифолого-символических обра-

зов. А своего рода автокомментарием к этим образам-символам была начатая им, уже как исследователем-историком, почти сразу же после создания «Медного всадника» (октябрь — ноябрь 1833 г.) обзорная статья о новой — послепетровской (с 30-х годов XVIII века до 30-х годов XIX столетия) — русской литературе (декабрь 1833 — март 1834).

«Долго Россия оставалась чудною Европе, — начинает Пушкин набросок статьи. — Приняв свет христианства от Византии, она не участвовала ни в политических переворотах, ни в умственной деятельности римско-католического мира. Великая эпоха Возрождения не имела на нее никакого влияния; рыцарство не одушевило предков наших чистыми восторгами, и благодетельное по-

трясение, произведенное крестовыми походами, не отозвалось в краях оцепеневшего севера... России определено было высокое предназначение... Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработленную Русь и возвратились на степи своего востока. Образуяющееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией...»

Но должна быть чуждой Европе Россия не могла. Задыхаясь в своих необозримых степях и лесах без живительного дыхания моря — самого удобного тогда способа общения между народами (ни одна развитая европейская нация не находилась в таком отдалении от моря, в каком пребывала вначале империя Петра Великого), — в окружении более культурно развитых народов, она неминуемо была бы поглощена «бездной», отделившей от европейского Просвещения застарелую в своей отсталости допетровскую Русь (вспомним намерение Карла XII не только разбить наголову Петра, но и расчленив на части всю Русь). Преодолеть эту отсталость можно было лишь одним путем — через эту «бездну» перескочить, поднять страну на европейский культурно-исторический уровень, «войти в Европу», как говорит Пушкин в той же статье. Это диктовало и природа («Природой здесь нам суждено в Европу прорубить окно»), и история («Все флаги в гости будут к нам», «Отсель грозить мы будем шведу»).

И Петр сразу же после того, как в 1696 году стал единодержавным царем, не только сам решил войти в Европу, первым из всех своих предшественников двинулся в длительную поездку по странам Запада, но и совершил свой поистине небывалый скачок — из царя-самодержца в простого плотника, проработавшего полгода на голландских судостроительных верфях. А вернувшись домой, тут же поднял на подобный скачок свое отечество — стал, «не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства», не только рубить мятежные стрельческие головы, но и стричь бороды бояр.

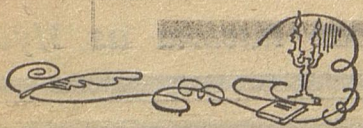
И это тоже не было прихотью царя-самодура, а имело очень конкретное, впечатляющее и

П ОВЕСТВУЯ о деревенском уединенном господском доме дяди Онегина, Пушкин писал:

Почтенный замок
был построен,
Как замки строиться должны,
Отменно прочен и спокоен
Во вкусе умной старины...

В стремительном, зачаровывающем не только слух, но и сознание читателей, легком и веселом ритме полусмешных, полупечальных онегинских строф эти словно бы мимолетные, попутные строки не привлекают к себе особого внимания. Но, если несколько задержаться на них, они, как и столь многие и многие другие в пушкинском романе в стихах, являются в высшей степени со-

держательными. В них традиция — «старина» с безусловным одобрением противопоставлена поэтом его современности. Но вместе с тем это слово сопровождается четко дифференцирующим эпитетом: умная старина. Причем поэт никак не призывает здесь к тому, чтобы снова приняться за сооружение феодальных замков. Да и слова «почтенный замок» соотносятся в данном контексте не со средневековым, а с русским вельможно-поместным XVIII веком, что придает им явно ироническую тональность. Но главный смысл пушкинского противопоставления в другом. «Вкус умной старины» (и об этом говорится уже без всякой иронии — всерьез) заключается в том, чтобы, не говоря обо всем прочем, жилище человека наиболее соответствовало своему назначению,

вместе с тем символическое значение. Чтобы европеизировать Россию, надо было не только усвоить, в сущности, полностью отсутствовавшие в ней традиции европейского просвещения и именно их начать развивать, но и сломить яростное сопротивление этому — недоверие и вражду к «нечестивому» Западу закостеневшей в своей многовековой традиционности брадатой Московской Руси, считавшей, как позднее остро скажет в одном из своих сатирических журналов поборник просвещения Николай Новиков, что «все добродетели заключены в густоте бороды».

В сложившихся именно так русских исторических условиях приемственная связь между отечественными традициями и новаторством не могла осуществляться. Перескакивая через бездну, конь неизбежно должен был оторваться от родной почвы. Проблема традиции и новаторства тем самым оборачивалась другой проблемой — Россия и Запад, Россия и Европа.

даже удивляет — почти совсем отсутствует одна из самых главных частей речи — глагол. А между тем это соответствует и природе — статичности — созерцаемого и описываемого объекта (памятник), и душевному состоянию словно бы оцепеневшего перед его мощью и величием поэта. Но тут же Пушкин из этого пассивного созерцания сообщает могучим порывом своей художественной мысли могучее же движение всему, что он только что пассивно созерцал. И достигается это предельно скромными средствами — всего тремя глаголами, употребленными, однако, в трех основных временных формах — настоящего, прошедшего, будущего (**поднял — скачет — опустит**). И всего тремя этими глаголами, каждый из которых несет в себе колоссальный динамический заряд, и формами их употребления, стягивающими в тугую узел охватываемый ими огромный промежуток времени (эпоха Петра — эпоха Пушкина и, наконец, то, что за нею по-

мента надпись «Petro Primo Ca-tarina Secundo» («Тартюфу в юбку и корону», как назвал ее Пушкин, — императрице Екатерине II), один из умнейших людей русского XVIII века, автор «Бригадира» и «Недоросля» — Фонвизин, особенно высоко ценимый Пушкиным, который называл его, несмотря на немецкое происхождение, «из перерусских русским».

Действительно, с одной стороны, он резко выступил против открещивающихся от Запада реакционных поборников старины (во главе их уже в пушкинскую пору станет адмирал Шишков, которого Батюшков окрестит впервые введенным им в литературу и получившим затем столь большую популярность словом: «славенофил» («Аз емь славенофил»). С другой стороны, он не менее резко высмеивал раболепно преклоняющихся перед Западом и презирающих все отечественное «русских парижанцев», служивших постоянной мишенью для писателей-сатириков того времени. (Итоговую чер-

сией. Совершив свой потрясающий скачок через бездну, конь должен опустить копыта на родину и, обогащенный всем тем положительным, что несло с собой европейское Просвещение, — умным европейским опытом, умными традициями, — продолжать дальше свой стремительнейший — «скачущий» — бег по родной земле — развивать свою национальную культуру, которая нужна ей не менее теплого моря. А если этого не произойдет, при всей своей военной силе она тоже утратит национальную независимость, станет духовной колонией имеющих свою самостоятельную культуру наций. А это нанесло бы ущерб не только ее собственному развитию, но и развитию всей мировой культуры, в многокрасочный спектр которой каждая нация вносит свою краску и свой особый цвет.

То, что понял Фонвизин, Пушкин не только художественно сформулировал в «Медном всаднике». «В просвещении стать с ваком нароу» (завет, данный им себе еще в 1821 г.) и вме-

В МОСКОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Под председательством секретаря парткома МО СП РСФСР В. Кочеткова состоялось заседание партийного комитета, посвященное международным связям московских писателей-коммунистов. На заседании выступили члены парткома А. Медников, Л. Шипахина, Е. Каплинская, В. Емельяненко, В. Петелин, И. Стрелкова, В. Красильников.

Контактам партийных комитетов писательских организаций Москвы, Варшавы и Берлина был посвящен доклад первого секретаря правления Московской писательской организации Ф. Кузнецова. О деловых связях с партийными и творческими руководителями писательских союзов Болгарии, Венгрии, ГДР, Кубы, Монголии, Румынии, Чехословакии, об обмене делегациями, о планировании встреч рассказывал секретарь правления СП СССР Ю. Воронов.

«Закон и дисциплина» — тема очередного семинара системы партийного просвещения Московской писательской организации «Проблемы советской экономики и права». Перед писателями выступили главный инженер производственного объединения ГПЗ-1 И. Б. Колтунов, заведующий сектором ВЦСПС Н. М. Корнев, доктор юридических наук, профессор В. И. Никитинский. Руководил занятием А. Борин.

ВЫСОКАЯ НАГРАДА

Указом Президиума Верховного Совета СССР за заслуги в развитии советской литературы и активное участие в коммунистическом воспитании трудящихся литературно-художественный журнал «АЗЕРБАЙДЖАН» награжден орденом Дружбы народов.

Указом Президиума Верховного Совета СССР за заслуги в развитии советской литературы и активное участие в коммунистическом воспитании трудящихся журнал Союза писателей Украинской ССР «ВИСНИК» («ОТЧИЗНА») награжден орденом Дружбы народов.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Указом Президиума Верховного Совета СССР за заслуги в развитии филологической науки, подготовке научных кадров и в связи с девяностолетием со дня рождения член-корреспондент Академии наук СССР БЛАГОЙ ДМИТРИЙ ДМИТРИЕВИЧ награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Указом Президиума Верховного Совета СССР за заслуги в развитии советской литературы и в связи с семидесятилетием со дня рождения писателя МАРТЫНОВ Александр Константинович награжден орденом Дружбы народов.

Правление Союза писателей РСФСР тепло поздравило юбилярскими датами:

Литературоведа Дмитрия Дмитриевича БЛАГОГО — с девяностолетием.

Очеркиста и прозаика Н. ВАСИЛЬЕВА (Николая Васильевича НОВИКОВА) — с восьмидесятилетием.

Прозаика Ивана Владимировича СОТНИКОВА — с семидесятилетием.

Поэта и прозаика Максима Афанасьевича БЕБАНА — с семидесятилетием.

Поэта и прозаика Александра Константиновича МАРТЫНОВА — с семидесятилетием.

Прозаика и драматурга Бориса Петровича ЧЕРЕМИСНА — с шестидесятилетием.

Критика Аллу Борисовну КИРЕЕВУ — с пятидесятилетием.

Критика Ивана Константиновича РОГОЩЕНКОВА — с пятидесятилетием.

Прозаика и драматурга Михаила Михайловича РОЩИНА — с пятидесятилетием.

Поэта Нину Васильевну СНЕГОВУ — с пятидесятилетием.

Прозаика Евгения Петровича ФЕДОРОВСКОГО — с пятидесятилетием.

Еженедельник «Литературная Россия» сердечно поздравляет юбиляров.

ИСТОРИИ ПОДВЛАСТНЫ

и новаторстве

Именно так и была поставлена Пушкиным эта проблема в цитированных выше строках «Медного всадника», входящих в своеобразное лирико-патетическое отступление (сложный комплекс дум и чувств поэта перед фальконетовским памятником Петру), которое образует внутри поэмы некое самостоятельное целое, очень стройно и содержательно — в глубоком внутреннем соответствии с характером и движением этих дум и чувств — композиционно оформленное. Это единственное в своем роде отступление, в котором Пушкин предстает перед нами и проницательнейшим историком, и страстным публицистом, оставаясь вместе с тем, как всегда, гениальным поэтом. И оно столь значительно и художественно выразительно, что необходимо привести его полностью и эстетически проанализировать.

Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе!
Какая сила в нем сокрыта!
А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь,

гордый конь,
И где опустишь ты копыта?
О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты

над самой бездной
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?

Прежде всего обращает на себя внимание интонационная приподнятость этих десяти строк: при отсутствии точек и всего трех запятых — обилие и сгущенность вопросительных и особенно восклицательных знаков (семь на десять), и каждый поставлен в конце строки, еще более усиливая значение рифмующих слов, тоже очень выразительно поэтом отобранных (мгле! — челе!, сокрыта! — огонь! — конь! — копыта? судьбы! — бездной, — железной — дыбы?). Ничего подобного ни в других, порой тоже весьма приподнятых местах поэмы, ни, насколько помнится, во всем творчестве Пушкина вообще не встречается.

Уже этой вздыбленной интонационной приподнятостью — своего рода (в соответствии со скачкой коня) галопом интонаций — подчеркнуто утверждается поэтом вся значительность предметов, о которых идет речь, вся важность проблемы, им здесь поднимаемой. И в то же время в пушкинском десятистишии — и поначалу это

следует и пределы чему не указаны), поэт получает возможность поставить и рассмотреть сразу же в трех временных измерениях все основные аспекты волнующей его проблемы, уделяя при этом особенное внимание настоящему и будущему. Соответственно этому глагольные формы композиционно поставлены (такая композиция полностью отвечает и движению мысли поэта) в самый центр десятистишия: пятый и шестой стихи; до них четыре стиха содержат описание памятника, после тоже четыре стиха — его символическую интерпретацию.

Конь скачет. И перед нами не просто praesens historicum, стародавний, заветанный античностью прием ораторов и поэтов, стремившихся оживить прошлое, сделать его как бы непосредственно присутствующим. Ведь скачок коня — процесс европеизации — продолжался в течение не только всего последующего предпушкинского столетия, продолжался и при Пушкине, не кончился и после него. Этим и вызван наиболее острый и жгучий для самого поэта, кровно его задевший, обращенный в будущее, которое только и могло дать на него ответ, вопрос.

Столь же поэтически образно и столь же исторически точно была сформулирована основная проблема, кровно связанная с дальнейшими судьбами России — ее высоким предназначением и великими трудностями, ожидающими ее на этом пути, проблема, которая расколола русское общество на два противостоящих друг другу лагеря, — где опустит копыта конь, совершающий свой непреложный исторический скачок?

Этот начавшийся еще при Петре раскол резко давал себя знать на протяжении всего последующего предпушкинского периода. «Как истребить два противные и оба вреднейшие предрассудка: первый, будто у нас все дурно, а в чужих краях все хорошо; второй, будто в чужих краях все дурно, а у нас все хорошо». Так спрашивал в серии своих «крамольных» вопросов, обращенных к той, кто считала себя непосредственной продолжательницей Петра, приказавшей выбить на воздвигнутом ею фальконетовском мону-

Гравюра Ф. КОНСТАНТИНОВА к поэме А. С. Пушкина «Медный всадник».

ту подведет этому Пушкин своим «Графом Нулиным». Своим только что приведенным якобы «вопросом» Фонвизин подсказывал словно бы самый простой и в этой простоте самый исторически правильный, можно сказать, руководящий ответ, к которому он еще ближе подводит в одном из своих, навеянных непосредственными впечатлениями писем в бытность в «чужих краях», в Париже:

«Надобно отречься вовсе от общего смысла и истины, если сказать, что нет здесь весьма много чрезвычайно хорошего и подражания достойного. Все сие однакож не ослепляет меня до того, чтобы не видеть здесь столько же или и больше совершенно дурного и такого, от чего нас боже избави».

Чтобы прогрессивно развиваться как великая нация, Россия должна стать Европой, не переставая, однако, оставаться Рос-

сией. Совершив свой потрясающий скачок через бездну, конь должен опустить копыта на родину и, обогащенный всем тем положительным, что несло с собой европейское Просвещение, — умным европейским опытом, умными традициями, — продолжать дальше свой стремительнейший — «скачущий» — бег по родной земле — развивать свою национальную культуру, которая нужна ей не менее теплого моря. А если этого не произойдет, при всей своей военной силе она тоже утратит национальную независимость, станет духовной колонией имеющих свою самостоятельную культуру наций. А это нанесло бы ущерб не только ее собственному развитию, но и развитию всей мировой культуры, в многокрасочный спектр которой каждая нация вносит свою краску и свой особый цвет.

То, что понял Фонвизин, Пушкин не только художественно сформулировал в «Медном всаднике». «В просвещении стать с ваком нароу» (завет, данный им себе еще в 1821 г.) и вме-